

нарушеніе обязанностей относительно боговъ, которымъ человѣкъ долженъ служить на землѣ. Философія, это—внутреннее умираніе. Отдѣленіе души отъ тѣла, составляющее сущность смерти, философъ совершаетъ уже втеченіе всей своей жизни, отвращая свои мысли и желанія отъ чувственнаго и обращая ихъ къ невидимому. Такимъ образомъ, истинная добродѣтель есть «очищеніе» души отъ примѣсей тѣлесности; кому оно не удастся вполнѣ, тому въ будущей жизни придется сызнова стремиться къ этой цѣли. Только тотъ, кто внутренно побѣдилъ земной міръ, кто уже здѣсь жилъ въ чистотѣ и святости, только тотъ въ смерти найдеть освобожденіе — доступъ въ царство Божіе.

VI. Соціальный политикъ.

Изъ тѣснаго круга друзей и учениковъ, съ которыми Платонъ былъ связанъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и въ своемъ преподаваніи, мы послѣдовали за нимъ въ болѣе обширную область, — область тѣхъ общинъ, вѣрованій которыхъ онъ пытался истолковать и углубить, придавъ имъ научную форму; теперь онъ увлекаетъ насъ за собою въ самое широкое поле своей дѣятельности, гдѣ онъ обращается ко всему своему народу, чтобы всколыхнуть глубочайшія основы общественной жизни и дать ей новое содержаніе. Здѣсь только, въ этомъ обращеніи къ цѣлому, проявляется и вся личность Платона; здѣсь только сливаются въ болѣе высокому соединеніи тѣ противорѣчія, которыя должны были неизбѣжно возникнуть между философомъ и богословомъ, и здѣсь дѣлается попытка примирить враждебно сталкивающіяся цѣпи мыслей. Если Платону не удалось въ указаніяхъ относительно образа жизни отдѣльнаго индивидуума согласовать идеалы науки съ идеалами религіи, то въ своей соціальной этикѣ, въ ученіи о государствѣ онъ всетаки примирилъ противоположности по крайней мѣрѣ настолько, насколько это вообще было возможно въ предѣлахъ его философскихъ предпосылокъ.

Къ этимъ предпосылкамъ здѣсь, разумѣется, присоединились еще и совершенно иныя, обусловленные политическимъ и соціальнымъ состояніемъ Гре-

ции, въ особенности Аѳинъ, и тѣмъ положеніемъ, которое Платонъ съ самаго начала занялъ въ этой области. Его основное настроеніе, это — настроеніе страстнаго патріота, котораго жгучая боль, вызванная вѣдшимъ упадкомъ и внутреннимъ разложеніемъ государства, привела къ тому убѣжденію, что спасенія можно ожидать только отъ коренного преобразованія всей народной жизни и отъ устройства ея на совершенно новыхъ началахъ. Это — пессимизмъ, вполне понятный въ аѳинянинѣ, особенно въ членѣ аристократической партіи, послѣ исхода Пелопоннесской войны.

Первымъ и самымъ осязательнымъ моментомъ является при этомъ сознаніе, что роль демократіи окончательно сыграна. Расцвѣтъ ея, какъ будто начинавшійся въ Аѳинахъ, былъ непродолжителенъ и обманчивъ: блестящее зданіе аттической державы скоро рухнуло. Причиной этого паденія было обусловленное демократическимъ строемъ отсутствіе постоянного и опытнаго правительства. Когда каждый призванъ и считаетъ себя призваннымъ принимать непосредственное участіе въ самыхъ важныхъ постановленіяхъ общественной жизни, когда рѣшеніе высшей и самой трудной изъ всѣхъ задачъ, управленіе государствомъ, предоставляется не специально подготовленнымъ людямъ, но всякому, кто возвысился благодаря расположенію толпы или благодаря собственной пронырливости, — тогда государственннй корабль, лишенный опытнаго кормчаго, неизбежно долженъ метаться то въ одну, то въ другую сторону.

Въ то-же время при этомъ строѣ, гдѣ все зависитъ отъ рѣшенія толпы, народъ попадаетъ подъ вліяніе искусной лести ораторовъ и софистовъ. Эти-то люди, заботящіеся не объ истинѣ, но о вліяніи, не о добрѣ, но объ удовольствіи, — они въ концѣ-концовъ держатъ управленіе въ своихъ рукахъ и ведутъ государство къ краю гибели. Противъ нихъ направлено поэтому первое истинно-

политическое произведеніе Платона, «Горгій»; это — пламенное, проникнутое мрачной страстностью обвиненіе, направленное противъ господства политическихъ ораторовъ. Философъ не боится бросить упрекъ и по адресу великихъ людей аттической истории, по адресу Мильтіада,Themistocles, Перикла. Они господствовали при помощи рѣчи; но какъ мало удалось имъ «исправить» своихъ согражданъ даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ они сами этого желали, — въ этомъ имъ пришлось убѣдиться, когда измѣнчивое расположеніе толпы въ концѣ-концовъ отвратилось отъ нихъ. Ораторское искусство неспособно втеченіе продолжительнаго времени управлять государствомъ къ его благу, и совершенно неправиленъ тотъ строй, который отдаетъ власть въ руки этого искусства.

Къ тому-же демократія приучаетъ гражданина интересоваться разными вещами, которыя его нисколько не касаются; онъ начинаетъ во все вмѣшиваться и считаетъ, что обо всемъ можетъ имѣть собственное сужденіе. Между тѣмъ это отвлекаетъ его отъ его настоящаго дѣла; маленькій человѣкъ болтаетъ на площади и забываетъ о своей работѣ; его семейная обстановка неизбежно должна страдать отъ этого, его жизнь становится разсѣянной и безпорядочной, его представленія и интересы перепутываются. Онъ разучается выполнять свое назначеніе (τὰ ἑαυτοῦ πράττειν), и, прикрываясь именемъ свободы, каждый живетъ, какъ вздумаетъ, подчиняясь всякой своей вспышкѣ фантазіи.

Но плодомъ аттической державы было и еще одно явленіе, на которое жалуется Платонъ, именно — господство торговли и промышленности. Простыя жизненныя условія стараго времени вытѣснены роскошью и ненасытною жадной наживы. Но къ чему, спрашиваетъ философъ, служатъ всѣ гавани и корабли, если въ этой лихорадочной суетѣ съ каждымъ днемъ все рѣзче становится злополучный контрастъ между богатствомъ съ его роскошью и

спесью и горькой, мрачной бѣдностью? Вотъ въ чемъ заключается истинная болѣзнь государства; это — наростъ, заражающій и разлагающій весь народный организмъ, и государственнй строй, который благоприятствуетъ развитію этого нароста, который не кладетъ предѣловъ наживѣ и не препятствуетъ богатымъ обирать бѣдныхъ, — такой строй не можетъ задержать наступившую уже гибель.

Такимъ образомъ, у Платона политическій интересъ съ самаго начала соединяется съ социальнымъ; и въ обоихъ отношеніяхъ онъ, испуганный порочными проявленіями полноты аттической жизни, призываеъ къ прежнимъ простымъ условіямъ, къ земледѣлію и ремеслу, къ патриархальному государственному устройству. Въ немъ въ сильной степени говоритъ партійное пристрастіе, когда онъ совершенно не замѣчаетъ той высокой культурной цѣнности, которую имѣла аеинская демократія для развитія духовной жизни. Подобно неблагодарному реакціонеру, философъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ всякаго новшества, — между тѣмъ какъ радикальнѣйшее и обширнѣйшее новшество замышляетъ онъ самъ!

Это противорѣчіе въ конечномъ счетѣ вызвано, кажется, тѣмъ обстоятельствомъ, что Платонъ въ своихъ политическихъ и социальныхъ воззрѣніяхъ постоянно исходилъ изъ греческаго принципа города-государства (πόλις). Общественную жизнь онъ умѣетъ представлять себѣ только въ этихъ узкихъ рамкахъ; и въ то время, какъ внутри самого греческаго міра такое явленіе, какъ аттическая держава, указывало на тенденцію къ образованію болѣе крупныхъ формъ, Платонъ, въ своей политической теоріи, хотѣлъ повернуть ходъ развитія обратно въ сторону примитивныхъ условій маленькихъ государствъ. Точно такъ-же, какъ въ «Государствѣ» описывается устройство маленькаго военнаго государства, «Законы» рисуютъ строй небольшого земледѣльческаго государства, состоящаго изъ 5040

семействъ. Именно такіе размѣры имѣетъ въ виду Платонъ, объявляя задачей правительства заботу о томъ, чтобы государство не сдѣлалось «слишкомъ большимъ или слишкомъ малымъ», а также и мѣры для того, чтобы въ немъ не было ни богатства, ни бѣдности, но чтобы всѣ граждане обладали среднимъ достаткомъ. Все то, что Греціи суждено было извѣдать на опытѣ въ эпоху господства великой персидской монархіи, — все это, какъ показываетъ набросокъ «Критія», нисколько не привело Платона къ сознанию, что время «города-государства» уже миновало. Этому діалогу предстояло развиваться въ мнѣическую философію исторіи, которая должна была показать, что маленькій, но сильный вѣрою городъ-государство, организованный сообразно съ принципами платонова «Государства», — эта роль назначалась Аеинамъ — болѣе силенъ, нежели обладающая внѣшнимъ могуществомъ великая держава, въ изобиліи надѣленная всѣми благами земной жизни. Такую державу Платонъ помѣщалъ на «Атлантидѣ», огромномъ островѣ по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ; но онъ не пошелъ далѣе фантастическаго начала ея описанія. И какъ ни привлекательна та мысль, что передъ нимъ, вѣроятно, носилась извѣстная идеализація персидскихъ войнъ, однако въполнѣ понятно, почему онъ въ концѣ-концовъ не выполнилъ своего плана. Политическая дѣйствительность въ первой половинѣ четвертаго вѣка, зависимость отъ великаго царя, въ которую надолго попала политика маленькихъ греческихъ государствъ, составила бы слишкомъ печальный контрастъ къ набросанной имъ картинѣ.

По идеальнымъ воззрѣніямъ Платона, наоборотъ, именно маленькое греческое государство являлось благодарной почвой для выполнения того основнаго условія, безъ котораго онъ считалъ невозможнымъ существованіе долговѣчной общины, обладающей внутренней крѣпостью и силой сопротивленія внѣшнимъ врагамъ. Это условіе — полная общность инте-

ресовъ и желаній. Тамъ только есть истинно общая жизнь, учитъ Платонъ, гдѣ всѣ желаютъ одного и того же, гдѣ одно и то-же всѣми утверждается и всѣми отрицается. Такая общность желаній является самой существенной чертою здороваго государственнаго организма, и болѣзнь демократіи заключается въ томъ, что она предоставляетъ каждому человѣку полную свободу желаній; именно потому ей приходится руководствоваться такими рѣшеніями которыя вытекаютъ изъ борьбы страстей и, слѣдовательно, нисколько не имѣютъ цѣнности истинныхъ общихъ желаній.

Отсюда намъ остается сдѣлать еще одинъ только шагъ, чтобы понять основной принципъ Платонова ученія о государствѣ: мы видимъ передъ собою сократовца, который исходитъ изъ того психологическаго положенія, что каждый человѣкъ желаетъ и дѣлаетъ только то, что считаетъ хорошимъ; слѣдовательно, полагаетъ Платонъ, правильное хотѣніе и правильные поступки вытекаютъ изъ знанія истиннаго блага, дурные же поступки и желанія — изъ невѣдѣнія и ложнаго мнѣнія относительно добра. Платонъ до самаго конца такъ часто выражалъ эту мысль въ своихъ произведеніяхъ, въ ясной формулировкѣ: «никто не поступаетъ несправедливо по своей волѣ», что мы не можемъ не считать ее постояннымъ мотивомъ его практическаго мышленія и его сужденій о человѣческой жизни. Но поэтому-то общность желаній, въ которой единственно и можетъ заключаться благо государства, достижима только посредствомъ общности убѣжденій; и такими убѣжденіями не могутъ, разумѣется, служить какія-нибудь произвольно избранныя мнѣнія; напротивъ, въ нихъ должно заключаться истинное познаніе высшего блага, — они должны быть не чѣмъ инымъ, какъ наукой или философіею.

Поэтому, говоритъ Платонъ, страданія людей не прекратятся до тѣхъ поръ, пока государи не станутъ философами, или философы — государями.

Строй общественной жизни долженъ опредѣляться не волей и мнѣніями отдѣльныхъ людей или даже всего народа, но только извѣстнымъ ученіемъ, научнымъ познаніемъ. Когда научные взгляды станутъ преобладающею чертою во всѣхъ гражданахъ, тогда окажется ненужнымъ и то усердное придумываніе законовъ, въ которомъ теперь состязаются государства: изъ указаннаго ученія будетъ вытекать соотвѣтствующій образъ мыслей, благодаря которому всѣ будутъ желать одного и того же — высшего блага, какъ о немъ учитъ философія. Этотъ образъ мыслей есть добродѣтель, и назначеніе правильнаго государственнаго строя заключается такимъ образомъ, лишь въ томъ, чтобы сдѣлать гражданъ добродѣтельными. Но истинно добродѣтельнымъ человѣкъ становится только благодаря знанію, и отсюда уже дѣлается понятнымъ требованіе Платона относительно господства науки въ государствѣ.

Это подчиненіе человѣческаго общежитія одной цѣли — высшему благу, величайшей наукѣ (*μεγιστον αγαθον*) понимается у Платона въ самомъ широкомъ смыслѣ; оно равно охватываетъ и политическую, и социальную жизнь, различіе между которыми здѣсь такъ мало сознается, что государство, въ сущности, разсматривается, какъ извѣстная система социальныхъ отношеній; при этомъ «Государство» производитъ вначалѣ такое впечатлѣніе, какъ будто цѣлью общежитія считается одно лишь удовлетвореніе потребностей соединившихся лицъ. Мы не знаемъ, принимаетъ ли здѣсь Платонъ къ чужимъ, быть можетъ, циническимъ доктринамъ, расширяя ихъ за ихъ собственные предѣлы, или онъ, съ этой же цѣлью, намѣренно исходитъ изъ обычныхъ, общепринятыхъ представленій, — но во всякомъ случаѣ особенно удавшимся въ его изложеніи является то мѣсто, гдѣ онъ, допуская, что государственная жизнь возникаетъ изъ такого рода естественныхъ потребностей отдѣльныхъ людей, доказываетъ, что и въ

этомъ случаѣ для гражданъ необходимо воспитаніе, основанное въ концѣ-концовъ на высшемъ познаніи, на философской наукѣ.

Попробуемъ, говоритъ онъ, основать государство! Допустимъ, что первоначально сошлось полдюжины людей, изъ которыхъ каждый знаетъ какое-нибудь ремесло, необходимое для того, чтобы обзавестись жилищемъ, одеждой и пищей,—каменщикъ, ткачъ, сапожникъ, крестьянинъ и т. д.¹⁾ Они будутъ взаимно поддерживать другъ друга путемъ раздѣленія труда; каждый будетъ дѣлать то, чему онъ обученъ, и взаѣмъ будутъ получать произведенія другихъ, поскольку они ему необходимы. Вскорѣ окажется, что нужны еще люди, которые выполняли бы дополнительную и подготовительную работу, или служили бы посредниками между остальными; въ концѣ-концовъ нельзя будетъ обойтись безъ купца, мѣнялы и поденщика. Чѣмъ больше становится количество людей, тѣмъ больше къ необходимымъ потребностямъ присоединяются излишнія потребности роскоши; рядомъ съ ремесломъ возникаетъ искусство. Но народу надо кормиться; земли уже не хватаетъ, и «государство» должно увеличиться,—оно должно завладѣть чужой землею, т. е. вести войну. Всякая война, полагаетъ Платонъ, есть результатъ такого увеличенія потребностей за предѣлы естественно-необходимаго. Но веденіе войны—также ремесло или искусство, и для него, на основаніи принципа раздѣленія труда, нужна специальная подготовка; оно должно сдѣлаться особымъ занятіемъ какого-нибудь класса гражданъ.

Этими незначительными на первый взглядъ словами Платонъ высказываетъ очень важную мысль, которою онъ далеко опередилъ греческій міръ съ его первоначальными условіями, сохранившимися даже

¹⁾ Ясно, что здѣсь нѣтъ и мысли о томъ, чтобы исторически объяснить происхожденіе государственной жизни.

въ эпоху его блестящаго расцвѣта. Еще во время пелопоннесской войны никто не думалъ объ особомъ военномъ сословіи; въ каждомъ государствѣ всѣ полноправные граждане были обязаны нести военную службу, и въ государственномъ строѣ образованіе войска играло существенную роль. Однако, со времени коринтской войны (394—387 г. до Р. Х.) начали появляться, особенно благодаря афинскому полководцу Ификрату, наемныя войска. Этому немало способствовало то обстоятельство, что зажиточные граждане, на которыхъ отражался общій упадокъ государственнаго самосознанія и патриотическаго образа мыслей, начали ставить въ военную службу вмѣсто себя наемныхъ замѣстителей. Такіе люди, какъ Ификратъ и великіе египетскіе полководцы, Пелопидъ и Эпаминонтъ, создали изъ подобныхъ наемниковъ постоянныя войска, которыя въ отношеніи тактики оказались выше прежней милиціи, но за то и поступали на службу къ тому, кто давалъ больше другихъ. Это новое явленіе Платонъ старается согласовать со старымъ принципомъ государства. Онъ также требуетъ особой военной профессіи и особаго военнаго сословія; но послѣднее, по его мысли, должно состоять изъ лучшихъ гражданъ, которые не имѣютъ никакихъ иныхъ обязанностей, какъ только охранять городъ-государство отъ всякой опасности, грозящей его цѣлости. Избранные должны быть вооружены и приучены къ борьбѣ не только противъ внѣшнихъ враговъ; они должны охранять родину также и отъ внутреннихъ раздоровъ, должны поддерживать въ ней порядокъ и повиновеніе законамъ, и потому имъ слѣдуетъ называться стражами (*φύλακες*).

Это сословіе государство должно воспитать изъ своей среды; тотъ, кому предстоитъ войти въ него, долженъ въ высшей мѣрѣ обладать тѣлесными и душевными достоинствами. Со всѣми качествами искуснаго воина онъ долженъ соединять пониманіе

цѣлей государства, пониманіе внутреннихъ отношеній общественной жизни; онъ долженъ быть храбръ и научно образованъ. Имѣя въ виду эту пменно цѣль, Платонъ строитъ свою систему гимнастическаго и музическаго образованія, которое должны получать члены «стражи». И въ той, и въ другой области должна господствовать строгая дисциплина; воздержная жизнь, тяжелыя упражненія и постоянныя занятія должны укрѣпить тѣло, сдѣлать его послушнымъ и предохранить отъ излишествъ; изъ пестраго міра миеовъ и сказокъ, изъ религіозныхъ преданій юную душу слѣдуетъ, послѣ тщательнаго разбора, знакомить только съ тѣмъ, что можетъ укрѣпить ея нравственныя вѣрованія и желанія; изъ музыки и пѣнія должны быть изгнаны все новшества, которыми искусство щекочетъ чувственность и вызываетъ размягчающую сантиментальность; какъ воспитательное средство допускается одно только серьезное хоровое пѣніе, возбуждающее патриотическія и религіозныя чувства.

Однако для такого воспитанія необходимы особые руководители. Для того, чтобы все сословіе «стражей» возвышалось надъ всеми прочими сословіями, занимающимися ручнымъ трудомъ, и являлось истиннымъ носителемъ государственнаго самосознанія и государственной власти, оно должно, въ свою очередь, раздѣляться на воспитываемыхъ и воспитывающихъ, на исполняющихъ и постановляющихъ. Въ обоихъ случаяхъ на одной сторонѣ окажется молодежь, на другой — старики. Такимъ образомъ, сословіе стражей должно состоять изъ юношей, еще получающихъ воспитаніе, которые по приказанію старшихъ выступаютъ противъ врага и поддерживаютъ порядокъ внутри страны, и изъ зрѣлыхъ старцевъ, достигшихъ высшаго познанія и сообразно съ нимъ управляющихъ государствомъ. Такъ отличаетъ Платонъ правителей (*ἀρχοντες*) отъ помощниковъ или чиновниковъ (*ἐπίκοιτοι*), и первыми

могутъ, разумѣется, быть исключительно люди науки, философы.

Платонъ пытается показать, что такое устройство необходимо государству даже въ томъ случаѣ, еслибы мы стали разсматривать его какъ только союзъ людей, которые стараются при помощи раздѣленія труда достигнуть возможно полнаго удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей. Даже созданный на такой натуралистической и утилитарной основѣ, общественный организмъ неизбѣжно долженъ расчлениваться; главное мѣсто должна занять въ немъ наука, и подъ ея воспитательнымъ вліяніемъ складываются все тѣ органы, въ которыхъ выражается жизненное единство цѣлаго. Вытекающій изъ ученія объ идеяхъ взглядъ на государство, какъ на осуществленіе высшаго блага въ человѣческомъ обществѣ, вполне совпадаетъ въ этомъ тонкомъ разсужденіи Платона (во 2—4 книгѣ «Государства») съ тѣми требованіями, которыя предъявляются къ государству, какъ къ продукту естественной потребности: господство въ немъ должно принадлежать философіи, — ученію о высшемъ благѣ, о цѣляхъ міра и человѣка.

Въ то же время это изложеніе показываетъ намъ, какъ государство естественнымъ образомъ раздѣляется на три сословія, дающія пропитаніе, защиту и обученіе. Первое обнимаетъ огромную массу тѣхъ людей, которые съ помощью своего искусства и умѣнья производятъ и обрабатываютъ все матеріальныя цѣнности, составляющія внѣшнюю основу совместной жизни: это — земледѣльцы и ремесленники, къ которымъ слѣдуетъ присоединить также и торговцевъ; второе сословіе образуютъ состоящіе на дѣйствительной службѣ войны и чиновники, которые умѣютъ, благодаря полученному ими воспитанію, защищать государство противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, поддерживать повиновеніе его законамъ, охранять его достоинство какъ внутри, такъ и въ глазахъ другихъ народовъ; третье

сословіе составляютъ «философы», люди науки, которые въ силу своего познанія истиннаго блага устанавливаютъ законы, воспитываютъ «помощниковъ» и управляютъ всёю государствомъ.

Разсматриваемое такимъ образомъ государство является «человѣкомъ въ большихъ размѣрахъ». Его три сословія соотвѣтствуютъ тремъ видамъ активности или тремъ частямъ (ср. выше, стр. 140 слл.) души. Здѣсь Платонъ пытается согласовать результаты своихъ социальнo-политическихъ размышленій со своей этико-богословской психологіей, чтобы вывести отсюда дальнѣйшія заключенія. Сословіе, доставляющее пропитаніе и занимающееся различными профессіями съ цѣлью наживы, соотвѣтствуетъ «жадности»; сословіе, дающее защиту и несущее главнымъ образомъ военныя обязанности, — «пылкости»; обучающее сословіе, со своими научными занятіями, соотвѣтствуетъ «разуму».

Эти сами собою напрашивающіяся аналогіи между государствомъ и индивидуумомъ даютъ философу возможность параллельно излагать свои взгляды на задачи и, въ зависимости отъ выполнения этихъ задачъ, на степени совершенства государствъ и отдѣльныхъ людей. Нормы и цѣнности здѣсь съ политической и этической точки зрѣнія однѣ и тѣ же; съ первой точки зрѣнія онѣ относятся къ «человѣку въ большихъ размѣрахъ», со второй — къ «человѣку въ малыхъ размѣрахъ».

Основой и здѣсь служить тотъ же принципъ, который уже вначалѣ выразился въ понятіи раздѣленія труда: правильность жизни, въ государствѣ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, заключается въ томъ, чтобы каждая изъ трехъ частей дѣлала «свое дѣло» (*τὰ ἑαυτοῦ πράττειν*), чтобы она въ точности выполняла ту задачу, къ которой она призвана въ общей связи цѣлаго, — не больше и не меньше. Телеологическое міросозерцаніе приводитъ къ той мысли, что все на свѣтѣ имѣетъ опредѣленное на-

значеніе, и что все хорошо и совершенно лишь постольку, поскольку оно выполняетъ свое назначеніе. Такъ, обучающему сословію философовъ надлежитъ господствовать въ государствѣ и заниматься науками; обязанность защищающаго сословія заключается въ добросовѣстномъ соблюденіи законовъ и храброй оборонѣ отечества; наконецъ, сословіе, доставляющее пропитаніе, должно безусловно повиноваться, подчиняться волѣ правителей и заботиться о необходимыхъ для общежитія матеріальныхъ средствахъ. Въ согласованіи, въ «гармоніи» этихъ трехъ частей, въ этомъ строѣ, обусловленномъ ихъ сущностью, заключается совершенство государства, и такое совершенство Платонъ обозначаетъ словомъ справедливость (*δικαιοσύνη*).

Совершенство отдѣльнаго человѣка, которое Платонъ называетъ этимъ же именемъ, заключается въ аналогичномъ отношеніи трехъ частей души между собой: разумъ господствуетъ, «пылкость» служитъ ему вѣрнымъ и дѣятельнымъ помощникомъ, а «жадность» охотно ему подчиняется. Для достиженія этого совершенства необходимо, чтобы разумъ развился до степени истиннаго познанія или мудрости (*σοφία*), чтобы «пылкость» перешла въ непоколебимую вѣрность долгу, въ храбрость (*ἀνδρεία*), а «жадность» — въ умѣренность или самообладаніе (*σωφροσύνη*). Этимъ Платонъ даетъ систематическую основу для принятаго въ литературѣ его времени и часто встрѣчающагося у него самого перечисленія главныхъ видовъ «добродѣтели», причемъ рядомъ съ названными четырьмя иногда указывается еще благочестіе (*εὐσέβεια*), иногда-же благоразуміе (*φρόνησις*). Это мимоходомъ намѣченное въ «Государствѣ» построеніе четырехъ «кардинальныхъ добродѣтелей» играло гораздо болѣе важную роль въ доктринахъ послѣдующаго времени, нежели у самого Платона.

Гораздо интереснѣе и богаче по мысли тѣ разсужденія, посредствомъ которыхъ Платонъ, найдя иде-

аль справедливости для государства, какъ и для отдѣльнаго человѣка, въ господствѣ разума, стараются на основаніи тѣхъ же предпосылокъ, опредѣлить и несправедливыя, ложныя формы государственнаго устройства и соответствующіе этимъ формамъ типы личныхъ характеровъ. Какъ первыя, такъ и вторые должны, естественно, быть слѣдствіемъ того, что вмѣсто разума или рядомъ съ нимъ господствующими становятся обѣ другія части или силы (*douarais*). По мнѣнію Платона, этотъ процессъ совершается такимъ образомъ: изъ идеальнаго состоянія «справедливости» путемъ постепеннаго ухудшенія возникаютъ «ложные» виды государственнаго строя и «ложные» характеры. Это описаніе (въ восьмой и девятой книгѣ «Государства») принадлежитъ къ самымъ живымъ и самымъ поучительнымъ мѣстамъ въ его произведеніяхъ; пользуясь богатымъ опытомъ, исходя изъ тщательныхъ наблюденій надъ дѣйствительной человѣческой жизнью, онъ съ помощью тонкаго анализа строитъ переходы отъ одной формы къ другой. Съ типической исторіей государственнаго устройства переплетаются типическія исторіи семействъ. Платонъ даетъ здѣсь захватывающее изображеніе политическаго и соціальнаго упадка, которое представляетъ величайшій интересъ для психолога, для изслѣдователя правовъ и для политика. Во время этого упадка наряду съ мудростью начинается постепенно господствовать въ общественной жизни и въ личныхъ стремленіяхъ людей погоня за обоими другими благами — почестями и богатствомъ. Честолюбіе и жажда власти, алчность и чувственные пороки вкрадываются понемногу, до тѣхъ поръ, пока изъ разнузданныхъ страстей не прорвется наружу безбожный эгоизмъ. Такъ ведетъ этотъ путь отъ идеальнаго строя, обозначаемого именемъ аристократіи, къ тимократіи, отсюда къ олигархіи, затѣмъ къ демократіи и, наконецъ, къ тираніи; и этимъ ложнымъ формамъ государственнаго устройства со-

отвѣтствуютъ и типы человѣческихъ характеровъ. Особенно захватывающимъ интересомъ и глубокой истинностью отличается описаніе неизбежнаго перехода отъ демократіи къ тираніи, отъ обманчивой свободы къ самому тяжкому виду рабства; а изъ портретовъ отдѣльныхъ людей одно изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній производитъ изображеніе тирана, который, распространяя вокругъ себя трепетъ и бѣдствія, самъ въ своей преступной душѣ сильнѣе всѣхъ терзается страхомъ и чувствуетъ себя глубоко несчастнымъ ¹⁾.

Общими требованіями опредѣляются въ идеальномъ государствѣ также и всѣ частности его устройства. Даже государство, построенное на интересахъ личности, можетъ выполнять свои задачи только въ томъ случаѣ, если въ немъ господствуетъ разумъ и существуетъ правильное раздѣленіе на три сословія: оно долговѣчно, лишь будучи военнымъ государствомъ, а послѣднее возможно только какъ государство философовъ. Отсюда понятно, почему Платонъ въ «Государствѣ» не останавливается подробно на третьемъ сословіи. Это сословіе выполняетъ свое назначеніе, если повинуется и доставляетъ средства къ жизни для обоихъ другихъ; оно въ лучшемъ случаѣ достигаетъ, слѣдовательно, «обыденной добродѣтели», которая изъ соображеній выгоды подчиняется существующимъ постановленіямъ, не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Крестьяне, ремесленники и торговцы въ глазахъ Платона являются гражданами низшаго разряда; для государственной цѣли

¹⁾ При этомъ, согласно психологической теоріи Платона, въ послѣднихъ трехъ видахъ государства, въ олигархическомъ, демократическомъ и тираническомъ, а также въ соответствующихъ имъ типахъ людей преобладаетъ „жадность“, и различаются они тремя родами похоти: нуждой, роскошью и преступленіемъ. Здѣсь Платонъ, безъ сомнѣнія, примыкаетъ къ тѣмъ различеніямъ, которыя были въ ходу у циниковъ и, можетъ быть, также у Демокрита; вообще во всемъ этомъ разсужденіи часто замѣтно вліяніе психологическихъ и этическихъ теорій того времени.

они служатъ только средствомъ и играютъ почти ту же роль, какая въ древности обыкновенно принадлежала рабамъ, — роль рабочей массы ¹⁾. Поэтому въ «Государствѣ» и нѣтъ никакихъ указаній относительно жизни и дѣятельности, относительно правового положенія этой массы.

Зато образъ жизни «стражей» обсуждается здѣсь очень подробно. Они получаютъ совмѣстное воспитаніе, и затѣмъ раздѣляются на оба класса «чиновниковъ» и «правителей». Эти классы образуютъ ту общину, изъ которой, собственно, и состоитъ государство, и для котораго масса третьяго сословія служить только необходимой основой. Члены этихъ классовъ не должны заниматься работой или приобрѣтеніемъ, потому что всякое подобное занятіе пробуждаетъ любовь къ своему чувственному объекту, возбуждаетъ «жадность» и, тѣмъ самымъ, отвлекаетъ душу отъ ея высшихъ задачъ. Аристократически-пренебрежительное отношеніе къ труду, презрѣніе ко всему «ремесленному» получаетъ, такимъ образомъ, философское оправданіе.

Прямолинейность, съ которой Платонъ продумалъ жизненный строй высшихъ сословій, совершенно наивно сказывается въ тѣхъ аналогіяхъ, которыя онъ заимствуетъ изъ области разведенія и дрессировки животныхъ и которыми пытается доказать необходимость предлагаемыхъ имъ порядковъ. Всѣ эти аналогіи сводятся къ одной мысли, господствующей и въ платоновой натурфилософій, — къ мысли о томъ, что все частное опредѣляется цѣлесообразной связью цѣлага. Поэтому и въ высшихъ

¹⁾ Самое рабство Платонъ не только считалъ необходимымъ—это особенно ясно видно въ „Законахъ“—, но онъ полагалъ даже, что оно оправдывается естественными различіями между людьми. Однако онъ требовалъ мягкаго обращенія съ прислугой, обращенія, которое было бы разумной серединой между жестокостью и фамильярностью, и онъ настаивалъ, чтобы греки никогда не дѣлали грековъ своими рабами; этимъ онъ возставалъ противъ одной изъ отвратительнѣйшихъ жестокостей древняго военнаго права.

сословіяхъ отдѣльная личность сама по себѣ никогда не является цѣлью: вся жизнь должна опредѣляться идеей. Для того же, чтобы человекъ служилъ исключительно цѣлому, онъ долженъ быть освобожденъ отъ всѣхъ личныхъ интересовъ; стражъ, призванный защищать государство, и правитель, которому надлежитъ руководить имъ, не должны отвлекаться отъ общаго блага ничѣмъ, что имъ лично было бы дорого: они не должны имѣть ни семьи, ни имущества. Всѣ они вмѣстѣ должны составлять одну семью и обладать однимъ имуществомъ.

«Общность женъ, дѣтей и имущества», которой въ силу этихъ соображеній требовалъ Платонъ, не имѣетъ ничего общаго съ коммунистическими или социалистическими идеями, встрѣчающимися кое-гдѣ уже въ древности. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы предоставить всѣмъ членамъ стражи одинаковое право на пользованіе земными благами; наоборотъ, здѣсь требуется общій отказъ отъ этихъ благъ. Третьему сословію должны быть оставлены частная собственность и семья, такъ какъ это — существенные мотивы для работы съ цѣлью приобрѣтенія; оба же высшихъ сословія должны отказаться отъ нихъ ради незапятнанности своего служенія государству. Имъ предназначена высшая задача и имъ же высшая награда.

Только отъ брака, учитъ Платонъ, даетъ государству возможность заботиться о томъ, чтобы его граждане оставляли потомство, обладающее всѣми требуемыми качествами. Правители должны въ опредѣленное время предписывать спариваніе молодыхъ мужчинъ и женщинъ; они должны слѣдить за тѣмъ, чтобы благодаря сочетанію физическихъ и духовныхъ качествъ потомство получалось стройное и тѣломъ, и душою, чтобы темпераменты родителей уравнивались въ дѣтяхъ точно такъ же, какъ и тѣлесныя различія. Такимъ образомъ долженъ быть созданъ и поддерживаемъ нормальный

типъ стража. При этомъ родители и дѣти не должны знать другъ друга; уже для первоначальнаго вскармливанія всѣ дѣти равномерно распредѣляются между всѣми кормилицами-матерями, и такъ растутъ они и дальше всѣ вмѣстѣ подъ попеченіемъ государства. Поэтому всякій младшій долженъ во всемъ предыдущемъ поколѣніи почитать своихъ родителей, а всякій старшій во всемъ слѣдующемъ поколѣніи любить и—воспитывать своихъ дѣтей.

Этимъ уничтожается всякая семейная жизнь. Стража постоянно живетъ на бивуакѣ. Даже въ мирное время бѣльшая часть ея занята охраной границъ и военными упражненіями; а на время своего музыкальнаго образованія члены ея соединяются въ гимназіи. Такимъ образомъ, они всегда образуютъ «сисситіи», общины сотрапезниковъ, гдѣ жилище, одежда и пища дается имъ государствомъ въ строго предписанной формѣ. Больше они ни въ чемъ не нуждаются и ничего не имѣютъ; владѣть золотомъ и серебромъ имъ запрещено. Поэтому между ними не можетъ быть зависти и споровъ изъ-за денегъ и вещей, и гражданскіе судьи будутъ имѣть такъ же мало работы, какъ и врачи, у которыхъ суровый, закаляющій и укрѣпляющій образъ жизни отнимаетъ пациентовъ.

Крайнимъ выводомъ является, наконецъ, равноправіе обоихъ половъ. Для того, чтобы создалась чистокровная порода, оба пола должны быть одинаково хорошо развиты, и поэтому обоимъ надлежитъ пройти одинаковую школу. Женщины должны совершенно такъ же, какъ и мужчины, пройти весь курсъ гимнастическаго воспитанія и музыкальнаго обученія; то, что съ точки зрѣнія принятыхъ обычаевъ можетъ показаться смѣшнымъ и непристойнымъ, то съ точки зрѣнія цѣли, на которой стоитъ новое государство, потеряетъ всякій оттенокъ странности и окажется естественно-необходимымъ. Женщины въ «Государствѣ» нагя занимаются гимнастикой вмѣстѣ съ мужчинами, живутъ

вмѣстѣ съ ними на сторожевыхъ постахъ и на бивуакѣ, принадлежатъ къ общинамъ сотрапезниковъ, получаютъ то-же музыкальное и научное образованіе и имѣютъ доступъ къ высшимъ почетнымъ должностямъ.

Аристотель говоритъ, что это ученіе показало современникамъ Платона самымъ неслыханнымъ изъ его новшествъ, и намъ слѣдуетъ спросить себя, какимъ образомъ философъ дошелъ до него. Этотъ выводъ не былъ логически необходимъ; ибо основной принципъ, по которому «каждый въ государствѣ долженъ дѣлать свое дѣло», можно было и слѣдовало съ гораздо большей послѣдовательностью примѣнить къ самому коренному различію, которое природа въ физическомъ и духовномъ отношеніи установила между индивидуумами человѣческаго рода,—къ различію между мужчиной и женщиной. Тотъ фактъ, что Платонъ оставилъ безъ вниманія, это наиболѣе очевидное обстоятельство, не можетъ быть объяснено однимъ только отсутствіемъ интереса у него къ естественнымъ различіямъ; здѣсь должны были играть роль нныя причины.

Что въ возбужденныхъ Афинахъ, въ живущей лихорадочной жизнью столицѣ тѣхъ временъ существовало женское движеніе и женскій вопросъ,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Безъ него были бы немислимы остроумныя гетеры, да и кромѣ того, несмотря на замкнутость греческой семьи, женщины не могли остаться въ сторонѣ отъ того могучаго духовнаго и социальнаго броженія, въ которомъ сказывалась необходимость новыхъ жизненныхъ началъ. Мы видимъ, что въ цинической, и отчасти въ киренской школѣ эмансипированныя женщины играютъ извѣстную роль. Развѣ не могла носиться въ воздухѣ мысль о томъ, не предоставить-ли, въ видѣ опыта, женщинамъ веденіе политическихъ дѣлъ, «чтобы», какъ говоритъ Аристофанъ, «не оставить въ Афинахъ и послѣдняго

средства неиспробованнымъ? Возможно, что «экллезиасты» (женщины участвующія въ народномъ собраніи) объясняются ¹⁾ нѣкоторымъ, по крайней мѣрѣ устнымъ, знакомствомъ комика съ платоновымъ ученіемъ; однако и въ другихъ его произведеніяхъ мы все-таки уже находимъ зародышъ той же мысли. И вполне понятно, что Платонъ, желая дать человѣческому общежитію совершенно новую основу, въ извѣстной степени самъ стремился занять самое крайнее положеніе: тотъ, кто вычеркнулъ семью и частную собственность, могъ отмѣнить и различіе между мужчиной и женщиной.

Но, можетъ быть, здѣсь игралъ роль еще и другой мотивъ? Мы знаемъ, что въ побѣдномъ шествіи діонисіева культа женщины принимали главное участіе. Безъ неистовствующихъ женщинъ не могло быть пиршества въ честь Вакха. Въ своемъ энтузіазмѣ, въ своемъ дикомъ восторгѣ онѣ проявляли такую степень физической силы и религіознаго усердія, какой не превзошелъ ни одинъ мужчина. Въ главныхъ священнодѣйствіяхъ и въ высшемъ блаженствѣ религіознаго культа имъ принадлежала большая, быть можетъ, даже бѣльшая доля; почему же должны онѣ быть лишены своей доли въ трудахъ и подвѣдахъ политической жизни? почему не предполагать, что и въ этой области онѣ могутъ быть равны мужчинамъ? Религіозное равенство приводило къ мысли и о равенствѣ политическомъ. Или, можетъ быть, здѣсь Платонъ, несмотря на всю свою серьезность, съ нѣкоторымъ лукавствомъ предлагалъ вакханкамъ и дальше во всемъ подражать мужчинамъ? Не хотѣлъ ли онъ сказать: «Смѣлѣе, менады! Вотъ тутъ-то попробуйте работать по-нашему: дѣлайте гимнастику и занимайтесь діалектикой; посмотримъ, какъ далеко вы въ этомъ уйдете». *Сни lo sa....*

Во всякомъ случаѣ равноправіе половъ осталось

¹⁾ Какъ я считаю наиболѣе вѣроятнымъ.

у Платона теоретическимъ постулатомъ, котораго онъ не провелъ до конца даже въ своей фантазіи ¹⁾. А что этотъ постулатъ былъ чуждъ его непосредственному мышленію, — это мы видимъ по многочисленнымъ выраженіямъ, которыя вырываются у него въ его сочиненіяхъ и даже въ «Государствѣ», когда онъ, сообразно древней греческой манерѣ, презрительно говоритъ о «женщинахъ и дѣтяхъ»; въ «Тимей» въ одномъ мѣстѣ говорится даже, что тѣ души, которыя в теченіе первой земной жизни оказались негодными въ качествѣ мужчинъ, на время второй жизни должны перейти въ женщинъ. —

Такимъ образомъ, въ совмѣстной жизни членовъ стражи преслѣдуются чисто воспитательныя цѣли; здѣсь люди, отказавшись отъ всѣхъ земныхъ благъ, обучаются и упражняются въ той высшей добродѣтели, конечною основой которой служитъ идея добра. На поворотныхъ пунктахъ этой воспитательной системы, обдуманной Платономъ съ величайшей тщательностью, гдѣ вводятся новые предметы или упражненія, происходитъ раздѣленіе питомцевъ. Менѣе способные вступаютъ въ низшія должности помощниковъ и чиновниковъ; лучшіе переходятъ къ высшимъ задачамъ, и въ концѣ концовъ выбранными остаются только наиболѣе совершенные тѣломъ и душой. На ихъ долю выпадаютъ занятія діалектикой и созерцаніе идеи добра—божества; временами они возвращаются отъ этого созерцанія къ практической жизни, чтобы въ качествѣ правителей руководить всѣмъ государствомъ.

Эта аристократія знанія и религіознаго созерцанія является, такимъ образомъ, въ сущности центромъ всей политической системы. Но и на ней

¹⁾ Онъ и не думалъ примѣнить его на практикѣ, напримеръ, въ своей Академіи. Преданіе особенно подчеркиваетъ, что слушательницами у него (и у Спевсиппа) были даже двѣ женщины.

лежитъ отпечатокъ совершенной безличности. Эти правители — люди, посвященные въ возвышенное учение; но все индивидуальное, чѣмъ они обладали, заглушено въ нихъ нивелирующимъ ходомъ воспитанія, занятіями, посвященными учению объ идеяхъ, и религиознымъ созерцаніемъ. Они, какъ въ болѣе узкомъ смыслѣ всѣ члены стражи, составляютъ по сравненію съ толпой высшій родъ людей, вызванный къ жизни путемъ цѣлесообразнаго подбора; но среди этого племени «сверхъ-человѣковъ» свободная индивидуальность, самостоятельная личность уже не имѣетъ болѣе правъ гражданства.

Все человѣческое, въ высшихъ сословіяхъ точно такъ же, какъ и въ низшемъ, въ этомъ государствѣ приносится въ жертву господству доктрины. Всѣ цѣли реального отдѣльнаго человѣка ступаютъ передъ его обязанностями по отношенію къ невидимому міру; но о сущности и смыслѣ этого подчиненія имѣютъ представленіе лишь очень немногіе, — философы, достигшіе познанія Бога. Для всѣхъ остальныхъ, да и для самихъ философовъ, платоново идеальное государство является принудительнымъ учрежденіемъ, какимъ никогда не было дѣйствительное греческое государство. Нельзя совершить болѣе несправедливости по отношенію къ греческому міру, чѣмъ отождествивъ проектъ Платона съ дѣйствительными историческими условіями. Этотъ проектъ, сознательно направленный противъ индивидуалистическаго разложенія греческой государственной жизни, доводитъ принципъ города-государства до крайности; и эта крайность достигается только благодаря тому, что вся соціально-политическая жизнь обращается въ служеніе высшему принципу, о которомъ, въ этомъ смыслѣ, греческій міръ ничего не зналъ и не хотѣлъ знать. Государство, какъ высшая форма земной жизни, есть воспитаніе и подготовка къ добродѣтели, т. е. къ небесной жизни; когда оно исполняетъ свою задачу, тогда оно — царство Божіе на землѣ.

Только этотъ принципъ, а не отдѣльныя мѣры, которыя Платонъ предлагаетъ для его проведенія, является чѣмъ-то новымъ въ «Государствѣ». Последнія, напротивъ, всецѣло, опираются на существующія въ греческомъ мірѣ учрежденія, или примыкаютъ къ преобразовательнымъ идеямъ, которыя не были чужды этой, изобиловавшей проектами, эпохѣ. Платонъ принялъ въ свою систему, главнымъ образомъ, нѣкоторыя черты изъ дорійскихъ обычаевъ, преимущественно изъ спартанскихъ порядковъ, передѣлавъ ихъ на свой ладъ. И, опираясь, такимъ образомъ, на историческую дѣйствительность, философъ съ тѣмъ болѣею увѣренностью могъ настаивать на осуществимости своихъ предложеній и вѣрить въ ихъ осуществленіе. Онъ былъ далекъ отъ того, чтобы заниматься своими разсужденіями, какъ досужей игрой мыслей; напротивъ, онъ вполне серьезно полагалъ, что нашелъ то единственное средство, въ которомъ нуждалось его время; и если онъ и сознавалъ всю трудность выполненія своего плана, то все-таки не терялъ надежды, что найдетъ откликъ, обращаясь къ древнему патриотизму, высоко поднимая идею государства надъ личными интересами. Ему не приходило, конечно, на умъ обратиться къ толпѣ и воодушевлять ее въ пользу своихъ мыслей; но онъ считалъ вполне возможнымъ, что люди, держащіе власть въ своихъ рукахъ, убѣдятся въ необходимости предлагаемой имъ реформы и силою проведутъ ее въ жизнь. И здѣсь онъ, правда, испыталъ горькое разочарованіе, и въ такомъ именно настроеніи онъ, вѣроятно, какъ въ «Феэтетѣ», объявлялъ, что философъ по своей натурѣ не подходитъ къ испорченному земному міру, что лучше всего не вмѣшиваться въ дѣла этого міра, но какъ можно скорѣе бѣжать изъ него въ небесную родину.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что Платонъ созналъ не-выполнимость своихъ соціально-политическихъ плановъ, объясняются, какъ полагають, позднѣйшіе

его проекты, сохранившіеся въ «Законахъ». Здѣсь прямо говорится, что если «первое государство» (въ «Государствѣ») было пригодно только для боговъ и для дѣтей боговъ, то слѣдуетъ попытаться составить «второй возможно лучший» и «третій возможно лучший» планъ, на осуществленіе котораго среди людей скорѣе можно было бы рассчитывать. При томъ состояніи, въ какомъ находится это произведеніе, непрѣренное окончательно Платономъ (ср. выше стр. 65 сл.), мы не можемъ ни въ частности, ни по основной мысли точно и съ увѣренностью разграничить переплетающіеся въ немъ два проекта; но огромное различіе между ними въ цѣломъ и между «Государствомъ» вполне ясно.

Оно заключается прежде всего въ томъ, что значеніе, которое раньше придавалось наукѣ, здѣсь переносится на положительную религію. И теперь также надъ всѣми сторонами государственной жизни должна господствовать доктрина, и именно доктрина, которая разсматриваетъ и устриваетъ земную жизнь, какъ подготовительное служеніе для жизни небесной; но здѣсь этой доктриной является уже не діалектическая и метафизическая часть ученія объ идеяхъ, — на него мы встрѣчаемъ лишь совершенно незначительный намекъ, къ тому же въ самой сомнительной части сборника (въ заключеніи), — здѣсь это мѣсто занимаетъ традиціонная религіозная вѣра. Какъ основа этой вѣры, обозначается убѣжденіе въ превосходствѣ души надъ тѣломъ, т. е. въ ея сверхъ-чувственной природѣ и назначеніи; но въ эту вѣру входятъ также и всѣ народныя вѣрованія о богахъ, герояхъ и дэмонахъ. Такія вѣрованія допускались и въ «Государствѣ», какъ первое нравственно-воспитательное средство; но для этой цѣли они должны были подвергнуться очищенію отъ всѣхъ сомнительныхъ съ нравственной точки зрѣнія элементовъ ¹⁾ и при заключительномъ

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ Платонъ возставалъ противъ поэти-

воспитаніи философовъ они отступали на задній планъ. Теперь такая этически очищенная теологія, со всѣмъ аппаратомъ своего ритуала, образуетъ основу государства. Для пополненія ея вводятся только математическія науки, съ одной стороны потому, что для религіозной вѣры необходимо правильное астрономическое міровоззрѣніе, съ другой — потому, что въ хорошемъ государствѣ, какъ и во всеобщей; все должно быть приведено въ порядокъ посредствомъ мѣры и числа.

Подобно ученію объ идеяхъ, въ государствѣ «Законовъ» исчезаетъ и сословіе философовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все раздѣленіе на сословія, проведенное въ «Государствѣ»; точно такъ-же здѣсь оставлена мысль объ отдѣльномъ военномъ сословіи и вмѣсто него принята, главнымъ образомъ, прежняя система милиціи съ обязательной для всѣхъ гражданъ военной службой. Платонъ не требуетъ уже и выдѣленія третьяго сословія, и въ тѣхъ мотивахъ, которые раньше привели его къ этому требованію, теперь произошла существенная перемѣна.

Принципально-отрицательное отношеніе Платона къ торговлѣ и промышленности, основанное на томъ, что ими создаются опасныя для общества классовыя различія, здѣсь не уменьшилось, а стало еще сильнѣе. Въ области торговли государство должно допускать только то, безъ чего рѣшительно нельзя обойтись (поэтому оно не должно лежать непосредственно на морскомъ берегу); но торговлей не долженъ заниматься ни одинъ гражданинъ; веденіе ея государство предоставляетъ иностранцамъ, поскольку считаетъ это необходимымъ, или же оно беретъ вышнія сношенія на себя. Промышленность также должна по возможности ограничиваться потребностями страны, а не работать для вывоза. Такимъ государ-

ческихъ представленій о богахъ, противъ мнѣевъ Гомера и Гезіода, совершенно такъ же, какъ это впервые сдѣлалъ Ксенофанъ.

ствомъ, насколько возможно изолированнымъ и независимымъ отъ другихъ, можетъ быть только земледѣльческое.

Таково новое рѣшеніе соціального вопроса, которое предлагаетъ теперь Платонъ. Число гражданъ должно быть ограничено, и для того, чтобы оно не измѣнялось, слѣдуетъ установить особые законы о бракѣ. Сообразно съ этимъ числомъ гражданъ вся страна раздѣляется на равные участки, такъ что каждый гражданинъ получаетъ одинъ изъ нихъ въ потомственное владѣніе. Дѣти, рождающіяся сверхъ положеннаго числа, обезпечиваются посредствомъ усыновленія ихъ въ бездѣтныхъ семьяхъ, или тѣмъ, что имъ предоставляется возможность свободнаго труда, или же путемъ эмиграціи. Нѣсколько участковъ никогда не должны соединяться въ однихъ рукахъ. Движимая собственность также ограничена очень небольшими максимальными размѣрами. Разница, могущая возникнуть изъ такихъ условий, какъ неравномѣрность урожаевъ, или какъ трудолюбіе и бережливость отдѣльнаго человѣка и размѣры его семьи, колеблется въ столь тѣсныхъ предѣлахъ, что значительныхъ имущественныхъ различій не можетъ существовать: въ государствѣ нѣтъ ни богачей, ни нищихъ. Золото и серебро не должно быть терпимо въ странѣ; для купли и продажи въ обращеніи находятся деньги, не имѣющія сами по себѣ никакой цѣнности и, слѣдовательно, не признаваемые въ другихъ государствахъ.

Какъ отсутствіе имущества у «стражей» въ новомъ государствѣ замѣняется ограниченной тѣсными предѣлами частной собственностью, такъ здѣсь снова вводится и семья, но тоже съ существенными ограниченіями. Самое вступленіе въ бракъ, если и не опредѣляется, то все-же контролируется государствомъ, и точно такъ-же контролируется дѣтороженіе. О дѣйствительной семейной жизни здѣсь нѣтъ и рѣчи, и общества сотрапезниковъ играютъ снова такую же роль, какъ въ «Госу-

дарствѣ». Жизнь всѣхъ гражданъ должна въ общемъ быть устроена приблизительно такъ, какъ жизнь «стражей»; равноправіе половъ также остается въ силѣ. Отсюда, разумѣется, вытекаетъ, что и дѣти получаютъ совмѣстное воспитаніе на счетъ государства, и среди государственныхъ чиновниковъ въ «Законахъ» главное мѣсто принадлежитъ завѣдующему воспитательной частью.

Однако уклоненія отъ прежняго плана, которыя все-же вносятся этими новыми требованіями, приводятъ къ необходимости урегулировать посредствомъ законовъ всю жизнь гражданъ, въ чемъ, благодаря выдѣленію третьяго сословія, въ «Государствѣ» не представлялось надобности. Поэтому «Законы» являются очень подробнымъ гражданскимъ и уголовнымъ кодексомъ, который, явственно примыкая въ частностяхъ къ дѣйствительно существовавшимъ законодательствамъ, — въ данномъ случаѣ особенно къ атическому, — представляетъ большій антикварный интересъ. Этико-религіозныя основанія этихъ постановленій Платонъ излагаетъ въ «Прозміяхъ», которыя, въ качествѣ обосновывающихъ и въ то-же время наставительныхъ размышленій, должны предшествовать всей книгѣ законовъ и отдѣльнымъ ея частямъ. По своему духу эти законы стремятся къ тому, чтобы строжайшимъ образомъ урегулировать не только общественную, но и частную жизнь до послѣднихъ мелочей, чтобы съ помощью религіозныхъ и математическихъ критеріевъ разграничить всѣ отношенія и педантически-тщательно сохранить традиціонныя формы жизни. Правда, Платонъ высказываетъ ту прекрасную мысль, что задача государства заключается въ согласованіи общаго порядка со свободой, и въ области государственнаго права онъ дѣйствительно старается провести этотъ принципъ; тотъ государственный строй, который онъ предлагаетъ, соединяетъ въ себѣ нѣкоторыя черты аристократіи, олигархіи и демократіи; здѣсь для замѣщенія должностей примѣняется слож-

ная система, въ которой смѣшаны въ различныхъ отношеніяхъ выборы, цензы и жребій, причемъ въ выборахъ участвуютъ иногда всѣ граждане, иногда же только свѣдущіе въ опредѣленной области. Но тотъ способъ, какимъ въ этой земледѣльческой общинѣ законы прилагаются на практикѣ, дѣлаетъ изъ нея полицейское государство въ самомъ строгомъ смыслѣ, именно — государство, въ которомъ безраздѣльно господствуетъ религіозная полиція нравственности.

Дальнѣйшей характерной особенностью этой общины служитъ намѣренно приданная ей неизмѣняемость. Одна изъ главныхъ задачъ законодателя заключается въ томъ, чтобы дать государству такое устройство, при которомъ всякое измѣненіе законовъ оказалось бы ненужнымъ и невозможнымъ. Поэтому слѣдуетъ подавлять всякое движеніе, въ чемъ бы оно ни проявлялось, которое грозитъ измѣнить или уничтожить существующіе порядки. Въ искусствѣ и промышленности принципиально отвергается всякое новшество, всякая личная инициатива. Государство съ боязливой осторожностью замыкается противъ вторженія какихъ бы то ни было чужихъ нравовъ и обычаевъ, противъ нововведеній или усовершенствованій въ производствѣ, и только въ исключительныхъ случаяхъ гражданамъ можетъ быть разрѣшено путешествіе за границу, причемъ надлежитъ, однако, строго слѣдить за тѣмъ, чтобы при возвращеніи они не принесли съ собою какихъ-нибудь новшествъ.

Такимъ образомъ, личная свобода стѣснена до крайности, а вмѣстѣ съ самостоятельностью отдѣльныхъ членовъ уничтожена и для всей общины возможность прогресса. Это аграрно-полицейское государство не желаетъ ничего иного, какъ только сохранить свое существованіе. И какъ ничтожна внутренняя жизнь его гражданъ! Чѣмъ вообще они занимаются? Они заботятся о своемъ скудномъ пропитаніи — причемъ физическую работу въ землѣдѣліи и про-

мышленности они, кромѣ того, возлагаютъ на работу или чужестранцевъ-поденщиковъ — и участвуютъ въ военныхъ упражненіяхъ, кое-когда и въ математическихъ и богословскихъ занятіяхъ, да еще въ пирахъ, выборахъ и судебныхъ засѣданіяхъ; далѣе у нихъ нѣтъ никакихъ интересовъ, никакого стимула къ болѣе высокому дѣлу. Мы ужасаемся, когда подумаемъ, что передъ нами — великій философъ, который могъ предлагать своему народу, какъ идеаль, жизненный строй, обладающій такимъ жалкимъ духовнымъ содержаніемъ, такой ничтожной культурной цѣнностью. Платонъ, — желающій обратить грековъ въ благочестивыхъ землепашцевъ!

Наиболѣе ясно сказывается это удивительное слѣдствіе платоновской соціальной реформы въ отношеніи къ искусству, которое разсматривается въ «Законахъ» почти еще болѣе односторонне, чѣмъ въ «Государствѣ». Замѣчательно, что Платонъ, который такъ глубоко и такъ могуче охватилъ самую сущность красоты, не сумѣлъ, установивъ понятія, правильно оцѣнить искусство; какъ будто никогда не сознавая той творческой силы, которую онъ самъ проявлялъ въ каждомъ изъ своихъ произведеній, онъ всегда смотрѣлъ на искусство, только какъ на подражаніе, и потому всегда видѣлъ его цѣнность не въ немъ самомъ, а только въ его этическомъ значеніи, въ даваемой имъ нравственной поддержкѣ и религіозномъ назиданіи. О самостоятельной цѣли и собственной цѣнности искусства онъ ничего не хотѣлъ знать, и тамъ, гдѣ оно претендуетъ на нихъ, онъ отвѣчаетъ рѣзкимъ отказомъ. Придавая музыкѣ большое, даже преувеличенное значеніе для воспитанія, онъ въ то-же время самымъ страстнымъ образомъ возстаетъ — именно въ «Законахъ» — противъ болѣе тонкихъ, болѣе сложныхъ и одухотворенныхъ формъ, которыя она приняла въ его время. Онъ не находитъ достаточно жесткихъ словъ для того, чтобы бичевать нравственную порчу, которая, по его мнѣнію, должна быть плодомъ этихъ нов-

шествъ; особенно ненавистно ему въ музыкѣ всякое выраженіе свѣтскихъ чувствъ, все лирическое въ болѣе узкомъ смыслѣ; назначеніе музыки, какъ и ея происхожденіе слѣдуетъ искать, разсматривая ее, какъ часть религіознаго культа.

Такова же и участь поэзіи. Счастливіе другихъ родовъ ея въ критикѣ Платона оказывается трагедія, хотя и изъ нея онъ хотѣлъ бы изгнать все сентиментальное, дѣйствующее «размягчающимъ» образомъ; гораздо худшими считаетъ онъ эпосъ и комедію. Здѣсь онъ находитъ особенно опаснымъ безнравственное или непочтительное изображеніе боговъ, которое оказываетъ вредное вліяніе на юные умы. Поэтому уже въ «Горгіи» поэзія ставится, какъ соблазняющее, льстивое искусство, въ одинъ рядъ съ софистикой, и ея воспитательное значеніе, какъ истины, опѣивается очень низко. На основаніи этихъ же соображеній поэты изгоняются изъ государства и въ «Государствѣ»; «Законы» сохраняютъ это постановленіе и допускаютъ исключеніе только для тѣхъ поэтовъ, которые согласны подчиниться контролю со стороны религіозной полиціи нравственности. Устанавливая эти правила, Платонъ имѣлъ въ виду слѣдующее обстоятельство. Греки считали своихъ великихъ поэтовъ, въ особенности Гомера, истинными народными учителями; поэты для толпы были тѣмъ, чѣмъ по мнѣнію Платона и въ его государствѣ должны были сдѣлаться философы и богословы. И хотя Платонъ не разъ признавалъ, что и поэту присуще божественное воодушевленіе, пророческій «энтузіазмъ» — объ этомъ трактуется въ діалогѣ «Іонъ», — однако ради единства ученія, которому надлежитъ господствовать въ государствѣ, личное свободное откровеніе поэта должно отступить передъ твердо установленными догматами науки. Пока народъ не имѣлъ такого ученія, онъ могъ искать свѣта у поэтовъ; государство же, въ которомъ господствуетъ наука, можетъ допускать поэзію лишь постольку, поскольку она подчиняется его цензурѣ.

Это рѣзкое отрицаніе всякой свободы въ художественномъ творествѣ также вытекаетъ въ концѣ-концовъ только изъ сверхъ-чувственныхъ тенденцій платонова мышленія. Государственная и общественная жизнь людей, въ качествѣ высшаго и самаго глубокаго по смыслу явленія идеи въ видимомъ мірѣ, есть не что иное, какъ подготовка и воспитаніе для болѣе высокой, небесной жизни; эта основная мысль выражена въ «Государствѣ» преимущественно въ философской, въ «Законахъ» больше въ богословской формѣ. Но и съ той, и съ другой точки зрѣнія должно казаться опаснымъ украшать человѣческое существованіе такими благами, блескъ и красота которыхъ могли бы отвлекать взоры отъ истинной цѣли. Мы видѣли, что Платонъ вполне умѣлъ не только лично цѣнить эти блага, но и обосновать ихъ въ своей философской этикѣ (въ «Пирѣ» и въ «Филебѣ») посредствомъ понятій; если же въ своемъ ученіи о государствѣ онъ считаетъ необходимымъ отказаться отъ нихъ, то въ этомъ съ полной силой сказывается аскетическій дуализмъ, и такимъ образомъ становится очевидно, что въ составленіи платоновыхъ проектовъ соціально-политической реформы богословъ принималъ по меньшей мѣрѣ такое же участіе, какъ и философъ.

VII. Пророкъ.

Разматривая богатое духовное содержаніе платоновой жизни и связь его съ греческимъ міромъ, въ которомъ оно родилось, мы всюду находимъ своеобразное двойственное отношеніе между тѣмъ и другимъ. Всѣ элементы мысли Платона взяты изъ греческой дѣйствительности и сохраняютъ даже въ умѣ философа признаки своего происхожденія; но новый продуктъ, который они, переплетаясь, образуютъ въ немъ, носитъ именно въ своей наиболѣе зрѣлой и тонкой формѣ чуждый, не-греческій характеръ. Вросшее всѣми своими корнями въ національную жизнь, новое растеніе разрываетъ родную почву и пробивается въ новый міръ.

Такова судьба уже чисто-научнаго творенія Платона—ученія о двухъ мірахъ. Этическая и гносеологическая противоположность между Сократомъ и софистами, метафизическая между Гераклитомъ и элейцами и натурфилософская между Анаксагоромъ и Демокритомъ,—вотъ элементы, изъ которыхъ его диалектика создаетъ свое метафизическое міросозерцаніе. А между тѣмъ изъ этихъ элементовъ возникаетъ ученіе о сверхъ-чувственномъ мірѣ, о болѣе высокой дѣйствительности, вѣра въ истину, которой не видѣлъ ни одинъ глазъ, которой не слышало ни одно ухо¹⁾.

Но этотъ продуктъ отвлеченной мысли способенъ

¹⁾ Есть много признаковъ, свидѣтельствующихъ о томъ,

тотчасъ же слить съ собой смутныя чувства и стремленія народной души; мистическая черта діонисіева культа, пареніе одержимыхъ божествомъ душъ сплетается съ мыслью о высшемъ мірѣ и снова придаетъ послѣднему характеръ царства духовъ, боговъ и демоновъ. Но именно такимъ образомъ это царство одухотворяется въ болѣе благородномъ смыслѣ и получаетъ этическое содержаніе. Ханжество секты, ея священнодѣйствія и культъ колдовства Платонъ превращаетъ въ нравственное служеніе божеству. Онъ возвышаетъ вѣру въ безсмертіе—и это также удивляло и поражало грековъ—до степени мотива нравственной жизни; онъ вполне серьезно относится къ мысли о сверхъ-чувственной сущности и небесномъ назначеніи человѣческой души, и требуетъ, чтобы она сообразно съ этимъ устраивала свою земную жизнь. Сколько бы ни было робкихъ намековъ на этотъ принципъ и раньше, — у Платона онъ впервые является въ формѣ законченнаго ученія и могучей проповѣди, въ формѣ мрачнаго напоминанія, раздавашагося среди земной суетою греческаго міра.

И это напоминаніе обращено не только къ отдѣльному человѣку, котораго оно призываетъ подумать о благѣ своей души, но и ко всему народу. И здѣсь также Платонъ является выразителемъ того, что скрыто въ глубокихъ тайникахъ народнаго сознанія; въ немъ говоритъ боль и скорбь побѣжденнаго, полуразрушеннаго государства, онъ хотѣлъ бы заживить раны, нанесенныя войной, успокоить страсти, остановить распадъ общественной жизни. Все, что еще есть пригоднаго въ старыхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, онъ хотѣлъ бы поддержать и укрѣпить. Но новаго жизненнаго

какимъ парадоксальнымъ казалось грекамъ ученіе объ идеяхъ; наиболѣе характеренъ анекдотъ, въ которомъ Діогену приписывается слѣдующее изреченіе: „столь я вижу, но стольность — нѣтъ“, на что Платонъ будто бы отвѣтилъ: „для этого-то у тебя и нѣтъ надлежащаго ока—разума“.